

В. А. ЛАТЫШЕВА

О БЛАГОУСТРОЙСТВЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ХЕРСОНЕССКОЙ ХОРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ МАСЛИНЫ)

В данной статье предполагается уделить внимание вопросам благоустройства поселений на территории херсонесской хоры. В качестве базы для такого исследования послужили материалы и наблюдения, накопленные в ходе многолетних раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму¹. Основанное выходцами из Херсонеса в конце IV в. до н. э. [1, с. 100 — 106], оно замкнуло длинную цепь сельскохозяйственных поселений, вытянувшихся вдоль северо-западного побережья Тарханкутского полуострова [3, с. 152 — 176].

Как показали исследования, при выборе места для поселения его основатели вполне осознанно ориентировались на такие факторы, как связь поселения с морем и возможности для занятия земледелием. Поселение возникло в удобной бухте, на самом берегу Каркинитского залива, так что 1/3 поселения за две с лишним тысячи лет уже уничтожена морем; сохранилась сравнительно узкая полоса шириной 50 м, протянувшаяся вдоль берега на 300 м. Поселение расположено в районе балочного понижения холмистой Тарханкутской равнины, где условия для занятия земледелием были более благоприятны, чем на холмистых увалах; в низинах лучше сохранился почвенный слой, и водный режим был более благоприятен за счет стока талых и дождевых вод [2, с. 70 — 74].

Анализ строительных остатков с точки зрения организации жизненного пространства на Маслинах позволяет заключить, что вся застройка была подчинена принципам, характерным для греческого домостроительства в целом. Основной планировочной единицей выступает комплекс взаимосвязанных жилых и хозяйственных помещений, группирующихся по периметру внутреннего прямоугольного двора как центра всего комплекса. Подобная структура характерна для греческого домостроительства во всем Средиземноморье и Причерноморье [4; 5, с. 57 — 74; 6], прослеживается она и в сельскохозяйственных усадьбах на территории херсонесской хоры. Особенность застройки на Маслинах состоит в том, что здесь такой комплекс включает в себя сооружение типа башни. Укрепленные сельскохозяйственные усадьбы с башней в качестве ведущего звена всего строительного комплекса возникают и в других районах херсонесской хоры как следствие реальной опасности, исходившей от кочевников степного Крыма. Тем более такая опасность существовала для Маслин, наиболее удаленного от Херсонеса поселения. Это самый северный пункт античной эпохи в Северо-Западном Крыму, здесь проходила не только крайняя северная граница Херсонесского государства, но и граница между двумя мирами — античным и варварским. Думается, в этом надо искать причину особой, неординарной монументально-

¹Раскопки поселения проводились экспедицией Харьковского университета (1972 — 1987 гг.) под руководством автора.

сти поселения Маслины, где западная часть этого небольшого поселения с крайне ограниченными человеческими ресурсами была превращена в систему укрепления, состоящую из четырех башенных комплексов. Каждая башня с двором и линией примыкавших к нему помещений — это и есть укрепленная сельскохозяйственная усадьба с оборонительными, жилыми и хозяйственными функциями.

Благоустройство жизни в такого рода усадьбе не в последнюю очередь определялось качеством жилого строительства. К нему и обратимся, опираясь при этом на комплекс южной башни. Выбор этот не случаен, если учесть, что южная башня — это исходная конструкция для всего укрепления в целом, его первоначальное ядро, по ее образцу и подобию будут возводиться другие башенные комплексы, но ведущую роль на протяжении всей жизни поселения будет сохранять южная башня, заметно выделяясь среди других башен укрепления и своей монументальностью, и более высоким качеством строительства, и наиболее развитым внутренним планом.

Основным материалом при строительстве южной башни был желтый понтийский известняк местного происхождения; из мощных пластов этой породы сложена значительная часть Тарханкутского полуострова. В непосредственной близости от Маслин, к западу от поселения, эти известняки залегают на небольшой глубине, а местами выходят прямо на поверхность, так что добычу камня можно было вести открытым способом. Камень ракушечной или песчанистой структуры легко поддается обработке (обивке, стеске и т. д.), а пористость и ноздреватость породы придает этому материалу хорошие теплоизоляционные свойства. Обилие камня, сравнительная легкость его добычи, доставки и обработки исключили применение на Маслинах сырцовых кладок, а такие материалы, как глина и дерево, получили здесь вспомогательное значение.

О монументальности башни позволяют судить ее общая площадь (64 кв. м), размеры блоков (0,80 м х 0,45 м), достигавших в длину нередко двух метров, наличие довольно мощного фундамента, опущенного в глубину до твердого основания коренной глины. При таких характеристиках сооружение в древности не могло быть одноэтажным, хотя кладка уцелела в высоту на 1,5 м (Рис. 1, 2). Помимо косвенных соображений, есть и прямое свидетельство — остатки лестницы, располагавшейся направо от входа в башню; от нее сохранилось каменное основание — тесаные блоки, уложенные друг на друга в виде двух ступеней (Рис. 1, 3), а выше, надо полагать, шла деревянная лестница. Именно такую конструкцию имели лестницы в домах Ольвии [8, с. 126], Олинфа [9, р. 271, fig. 27, 28; pl. 73].

При характеристике техники строительства обращает на себя внимание высокое качество обработки камня под блок, тщательная отеска всех стыкующихся граней, что обеспечивало укладку блоков насухо, с плотным примыканием друг к другу. Для повышения прочности всей конструкции в целом использовались и металлические скрепы: в торце одного из блоков в его основание врезан прямоугольный пирон для металлической скрепы. Но особенно впечатляет обработка внешнего фаса блоков под руст — четкий и выразительный, он в виде ленты шириной в 3,5 см опоясывал блок с четырех сторон (Рис. 1, 1-2). Качество исполнения, расчеты при укладке блоков, тщательность их подгонки, строгое соблюдение перевязи в швах, — все это требовало высокой квалификации опытных каменотесов. В этом отношении южная башня на Маслинах находит аналогии среди лучших памятников греческого зодчества IV в. до н. э., обнаруженных в Северном Причерноморье [10, с. 369, 373; табл. 3, 4], в частности, в Херсонесе [11, с. 15 — 28; 12, с. 87 — 9] и на территории его хоры [13; 14, с. 143 — 144, рис. 50; 15, с. 234; ср. 16, pl. 53, 223, 227]. Очевидно, вместе с первыми переселенцами из Херсонеса на Маслины прибыли и опытные специалисты-каменотесы, рабо-

тавшие на заказ. Под их руководством и при непосредственном участии был спланирован комплекс южной башни, отвечавший основным традиционным принципам строительства укрепленной сельскохозяйственной усадьбы. Этими же мастерами было осуществлено строительство самой башни.

Инструменты каменотесов, работавших на Маслинах, до нас не дошли. Ценный инструмент индивидуального использования не валялся зря. Но о нем можно судить по следам, оставшимся на обработанных блоках — хорошо читаются дорожки, оставленные металлическим теслом с шириной лезвия 0,7 см. Подобные инструменты известны по материалам не только Средиземноморья [4, с. 12, 65, рис. 73; 16, pl. 29], но и Северного Причерноморья, в частности, их использование зафиксировано при строительстве Пантикапея [17, с. 60]. Помимо следов от металлического тесла, на блоках южной башни в Маслинах хорошо просматривается разметка, отбитая по шнуру рукой древнего каменотеса, для правильной укладки блоков следующего ряда. Найден на Маслинах и тяжелый свинцовый груз в форме цилиндра, который мог применяться в строительном деле в качестве отвеса для выверки вертикальных плоскостей кладки. Подобный свинцовый отвес найден при раскопках Пантикапея [17, с. 41, рис. 19, 4].

Помимо монументальности и высокого качества строительства, южную башню отличает от других строений неординарность ее внешнего и внутреннего оформления. Парадный облик зданию придавал арочный вход в башню. Дверной проем шириной 1,05 м имел арочное перекрытие, о котором позволяют судить найденные здесь же у входа несомненные детали арочной конструкции — три блока с вогнутой гранью, специально обработанные под свод, в том числе внешний облицовочный блок с рустом (Рис. 2, 1-2). Этой же конструкции принадлежал и клиновидный распорочный блок хорошей отески (Рис. 2, 3-4). С боковых сторон этого блока врезаны прямоугольные пироны для металлических скреп, с помощью которых распорочный блок, висящий над головой, более тесно и надежно увязывался с кладкой стены. Сохранившиеся архитектурные детали дают достаточно надежные основания для реконструкции входа в южную башню.

Подводя общий итог, отметим, что южная башня с точки зрения качества строительства и внешнего облика производит впечатление неординарной постройки — это монументальное сооружение, имевшее не менее трех этажей, на фундаменте, из тщательно отесанных квадров известняка, обработанных по внешнему фасу под руст в лучших традициях греческого зодчества классической эпохи, с арочным входом.

А теперь попытаемся зайти вовнутрь башни, обращая внимание на решение внутреннего пространства, характер его оформления, использованные материалы.

Дверь в башню была деревянной и, очевидно, учитывая ширину проема (1,05 м), двустворчатой. Створки крепились к вертикальным деревянным брусам, которые были уташовлены по обе стороны проема на подпятниках [18, с. 43-50, рис. 7, 8, 15, 16] — прямоугольных гнездах, врезанных в каменные блоки, обрамлявшие проем (рис. 1, 3). Дверь открывалась вовнутрь, а изнутри закрывалась на засов — деревянный горизонтальный брус, для которого в кладке стены вырезано каменное ложе (Рис. 1, 3), прямоугольное в поперечном сечении (0,10 м х 0,15 м). На пороге были уложены деревянные плахи.

От деревянного порога шел просторный вестибюль, занимавший половину всего внутреннего пространства башни. Пол здесь был выстлан каменными плитами неправильных форм, но тщательно подобранных в швах. Вторая половина башни делилась внутренней перегородкой на два равных по площади помещения, одно из которых являлось домашним святилищем, связанным с почитанием Деметры (19, с. 67 — 69). Следует отметить, что рустованные блоки внутри башни имели, как правило, рваные края, но все они были аккуратно доложены мелким ломаным камнем на глине; все

внутренние стены были покрыты глиняной обмазкой, а затем, видимо, побелены. Отчетливые следы розовой побелки были прослежены над уровнем пола при расчистке внутреннего помещения западной башни. А в южной башне на пороге помещения, где находилось святилище Деметры, было обнаружено большое скопление известкового крошева: в этой беспорядочной массе попадались камни с остатками прикипевшей к ним гипсовой обмазки, фрагменты гипсовой лепки в виде рельефных желобков-триглицфов, — все это, очевидно, остатки художественного обрамления дверного портала в помещении культового назначения. Пол в этом и смежном помещениях, в отличие от вестибюля, был деревянным: плахи настилались на каменный карниз, выступающий на уровне цоколя в виде ступени шириной 0,15 м.

Перекрытия башни были, очевидно, тоже деревянными, причем не только междуэтажные потолки, но и наружная кровля. Обломки черепицы найдены в таком ограниченном количестве, что использование этого материала для покрытия крыши представляется маловероятным. С другой стороны, в ходе раскопок внутри башни был прослежен мощный слой пожарища: стены приобрели интенсивный цвет красной окалины, в черном от сажи грунте попадалось много пережженных известняков, оплавленные фрагменты керамики, до двух килограммов обугленного зерна, скелет человека с обугленными позвонками. Горящим материалом, способным создать пламя столь мощной силы, могло быть только дерево. Думается, есть достаточные основания считать, что башня с точки зрения использованных материалов представляла собой смешанную конструкцию, где наряду с камнем строителями было широко использовано и дерево, причем не только для оформления отдельных деталей интерьера — порога, дверей с засовом, лестницы, полов в комнатах, но и при создании самой конструкции, для балочных междуэтажных перекрытий, наружной кровли [20, с. 48 — 62]. В условиях Северо-Западного Крыма это несомненно — признак достатка.

Назначение башни не ограничивалось ее стратегическими функциями. Об этом позволяет думать разнообразный бытовой материал, найденный при расчистке внутренних помещений башни (столовая посуда, костяные иглы, светильники, ткацкие и рыболовные грузила и т. д.). Особо следует отметить такие неординарные находки, как большое количество привозной чернолаковой керамики, терракота, серебряная оковка какого-то предмета с изображением Деметры, украшения (серебряные и бронзовые подвески, кольца, браслеты), бронзовое зеркало, бусы, монеты херсонесской чеканки и т. д. Этот набор изделий в сочетании с нерядовым качеством строительства башни и внутренним ее оформлением свидетельствует о том, что и жили в башне отнюдь не рядовые обитатели, а представители самого высокого социального ранга. Есть основания предполагать, что жилые помещения находились на 2-ом этаже. Дело в том, что разнообразный бытовой материал, о котором говорилось выше, был обнаружен не только на уровне пола 1-го этажа, но и значительно выше, в слое мощностью до 1,5 м, он залегал как бы в «мешке». Подобный характер в стратиграфии наводит на мысль о том, что материал попал сюда сверху, сползая со 2-го этажа по мере разрушения перекрытия и здания в целом.

Итак, башня представляла собой оборонительный и жилой комплекс одновременно, что в обстановке Крыма III в. до н. э., в условиях беспокойного соседства крымских степей, было вполне естественным явлением.

Как решалась проблема дневного освещения в башне, сказать с уверенностью трудно. В соответствии с традициями, сложившимися в античной архитектурной практике, источником света в одноэтажных постройках был дверной проем [21, с. 322], так что расположение помещений в греческом домостроительстве по периметру откры-

того внутреннего двора было совсем не случайным. Что касается башни, то в ней на уровне 2-го этажа, где вероятнее всего располагались жилые помещения, можно предположить существование световых окон. Думается, не были они лишними и на верхнем, 3-ем этаже, для того, чтобы башня могла выполнять свои стратегические функции, обеспечивая наблюдение над степным и морским пространством. В вечернее время, с наступлением темноты для освещения использовались светильники, относящиеся к достаточно распространенной на Маслинах группе бытовых изделий.

Всего на Маслинах найдено более 20 светильников, причем подавляющее их большинство использовалось, судя по условиям находок, в комплексе южной башни. Преобладают светильники обычной традиционной формы с одним рожком, судя по глине, херсонесского производства; есть и чернолаковые изделия (рис. 4), наконец, спрос на светильники удовлетворялся и за счет их изготовления на месте. Все светильники, независимо от техники изготовления, имеют одну примечательную деталь — обгоревший черный от копоти носик, нередко и пережженные бока. В качестве горючего, надо полагать, использовалось, как и во всем античном мире, оливковое (деревянное) масло, а возможно, и дельфиний жир, учитывая присутствие позвонков дельфина в остеологическом материале поселения. Большинство светильников использовалось для бытовых погребностей, будучи переносными источниками освещения. На такого рода их использование указывают некоторые особенности большинства из них: наличие небольших ручек, бокового выступа-налепа для упора большого пальца руки. Однако заслуживает упоминания найденная на Маслинах сравнительно небольшая (4 экз.) и своеобразная по форме группа светильников, которая использовалась скорее не в быту, а в культовых целях [19, с. 72 — 73. Рис. 3; 22, с. 24 — 27. Рис. 2]. Это светильники в виде чаш со следами копоти, на высокой ножке с устойчивым основанием. Такие чаши-светильники могли стационарно устанавливаться рядом с культовой терракотой, составляя своеобразный комплекс домашнего святилища; в них постоянно поддерживался огонь и, подсвечивая образ божества, они могли служить еще и источником света.

Поскольку находки светильников на Маслинах локализируются, главным образом, в башенных комплексах, надо полагать, что этим удобством пользовались далеко не все. Для остальных обитателей поселения источником освещения с наступлением темноты был свет от луны, домашнего очага, простой лучины.

Для нормальной жизни на Маслинах естественно необходимой была и пресная вода. Уже при выборе места для поселения древние греки наряду с такими факторами, как близость моря, условия для земледелия принимали во внимание и наличие источников пресной воды. Эту озабоченность древних, глубокое осознание ими важности воды для нормальной жизни человека, ясно сформулировал Витрувий: «Из всего существующего, очевидно, нет ничего столь необходимого для употребления, как вода, потому что... без воды ни животных, ни какой бы то ни было пищи не может ни появиться, ни сохраниться, ни образоваться. Поэтому надо искать и выбирать источники с большой внимательностью и заботливостью к человеческому здоровью» [Об архитектуре, VIII, 3, 28]. В условиях засушливого Тарханкута, крайне бедного на естественные источники пресной воды, проблема водоснабжения для жителей Маслин должна была стоять очень остро. Думается с самого начала выяснялись и учитывались возможности использования грунтовых вод. В ходе раскопок на поселении открыты два древних колодца. Их расчистка показала, что водоносный слой в этом месте залегает сравнительно неглубоко от уровня древней дневной поверхности. Закладка колодца во дворе южной башни относится к самому начальному этапу строительства — к концу

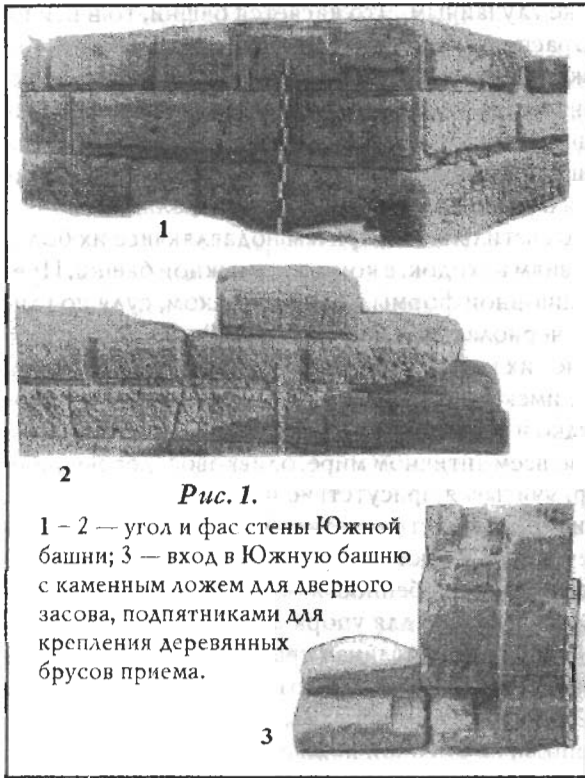

Рис. 1.

1 — 2 — угол и фас стены Южной башни; 3 — вход в Южную башню с каменным ложем для дверного засова, подпятниками для крепления деревянных брусов приема.

IV в. до н. э. Горловина колодца оформлена в виде массивного круглого камня-монолита (Д — 1,40 м) с устьевым отверстием 0,50 м (Рис. 3, 1). Каменное кольцо перекрывало круглую в плане яму глубиной 3,50 м; верхний Д — 1 м, Д дна — 1,60 м х 1,85 м. Внутри колодца стены облицованы камнем, только последние 0,50 м ямы остались в желтой материковой глине, переходящей на уровне дна в водоносный слой песка (Рис. 3, 2). Столб воды сейчас составляет 2,85 м и соответствует современному уровню моря. Надо полагать, такое соответствие существовало и в древности, а это значит, что уровень воды в колодце был несколько ниже, зато качество воды было лучше. В древности береговая линия была примерно на 50 м дальше, так что фильтрация воды в колодце была лучше и это, несомненно, сказывалось на ее вкусовых качествах.

Возникнув для обслуживания по-

требностей южной башни, первоначального ядра укрепления, колодец в дальнейшем обслуживал и другие башенные комплексы. Глубокие борозды, прогтертые веревками на внутренней поверхности колодезного устья, — выразительные свидетельства интенсивной и длительной эксплуатации этого источника.

К началу II в. до н. э. относится закладка еще одного колодца на поселении — во дворе восточной башни. Горловина этого колодца образована большим камнем-монолитом (2,35 м х 1,40 м х 0,30 м) с устьевым отверстием 0,50 м. Камень перекрывал колодезную яму, круглую в плане: верхний Д — 1,35 м, Д дна — 0,80 м, глубина — 3,30 м (рис. 3, 3).

Колодец вырыт в коренной желтой глине; на глубине 2,25 м идет пласт светлой глины мощностью 0,70 м. На этот уровень древними строителями была опущена клеть из древесных прутьев, согнутых в кольцо по периметру ямы. Обломки прутьев были в значительном количестве извлечены при расчистке колодца. Коренную глину подстилал водоносный слой песка, образующий дно колодезной ямы. Столб воды сейчас — 1,65 м.

Среди находок в засыпи колодца преобладали фрагменты херсонесских кувшинов, из которых удалось собрать три почти целых формы. Очевидно, с помощью таких кувшинов и доставали воду, привязывая веревку к горлу или ручке сосуда. Однако пользовались этим колодцем недолго: отсутствуют следы потертости от веревок на устье, не успели облицевать колодец внутри, подвести к нему вымостку во дворе, вследствие чего тяжелая горловина просела с одной стороны. Незавершенность строительства — один из показателей того, что закладка колодца имела место в последний период жизни поселения.

Система водоотлива на поселении обеспечивалась с помощью водостоков, каналов из камня, которые по своей конструкции ничем не отличались от аналогичных со-

оружий эллинистического времени. Они существовали в каждом домохозяйстве, а их расположение позволяет заключить, что система отлива работала не только во дворе, но и внутри отдельных помещений.

Наибольшей продуманностью, качеством строительства и благоустройства отличается система водоотлива, обслуживавшая комплекс южной башни. Ее обитатели предусмотрели в своем домохозяйстве и такое удобство, как баня. Она представляла собой помещение с большой раковиной со сливом, выдолбленной в местной известняковой породе (Рис. 3, 4). Камень подтреугольной формы, с мягкими сглаженными углами, размеры 1,25 м х 0,65 м. Первоначальное предположение об использовании этой раковины в качестве виноградного тарапана в ходе раскопок оказалось не состоятельным по ряду причин. Во-первых, слив раковины был вмонтирован в кладку внешней капитальной стены, вывод же

виноградного сусла за пределы всего комплекса представляется совершенно невероятным. Во-вторых, рядом с раковиной было обнаружено печное устройство, не совместимое с винодельней, но вполне уместное и даже необходимое в банном помещении. Таким образом, все детали внутреннего устройства помещения с раковиной получают достаточно убедительное объяснение, если предположить, что оно использовалось как баня. Обращаясь к аналогии в Средиземноморье, следует отметить, что баня была обязательной принадлежностью даже самой скромной сельскохозяйственной усадьбы. Раскопки поселения Маслины показали, что и на далекой северной окраине херсонесской хоры сохранялись традиции античного быта.

Показателем определенного благоустройства и продуманности в организации жизненного пространства на Маслинах является и то, что местные ремесленные производства, связанные с изготовлением бытовых изделий (ткацких грузил, пряслиц, светильников), лепной керамики, ремонтом и изготовлением мелкого инструмента, починкой привозных и поэтому особо ценных изделий, обработкой кости — все это было вынесено за пределы западного укрепления, на восточную окраину поселения. Именно на этой территории локализуется значительное количество ошлакованных пород, отходов бронзового литья, куски бронзовой проволоки со следамиковки,

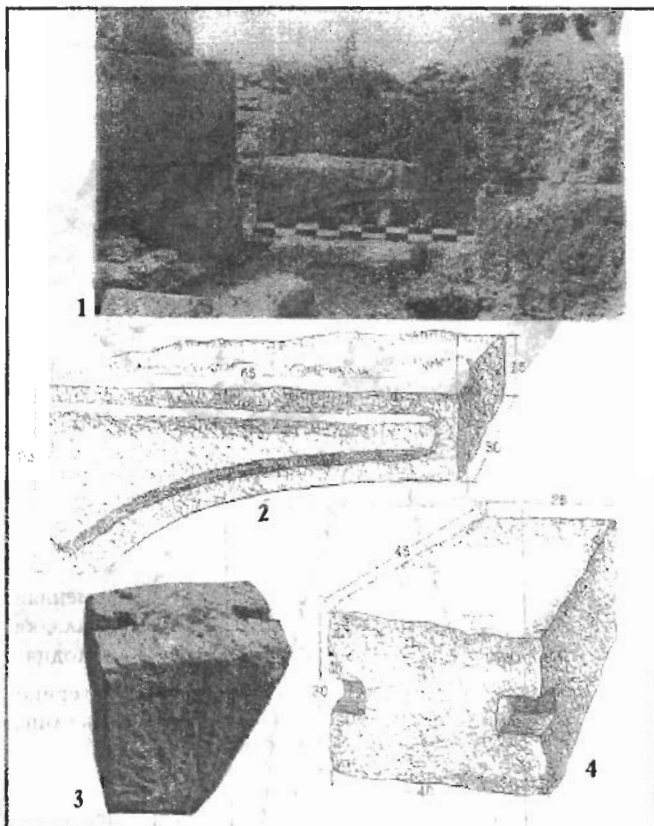
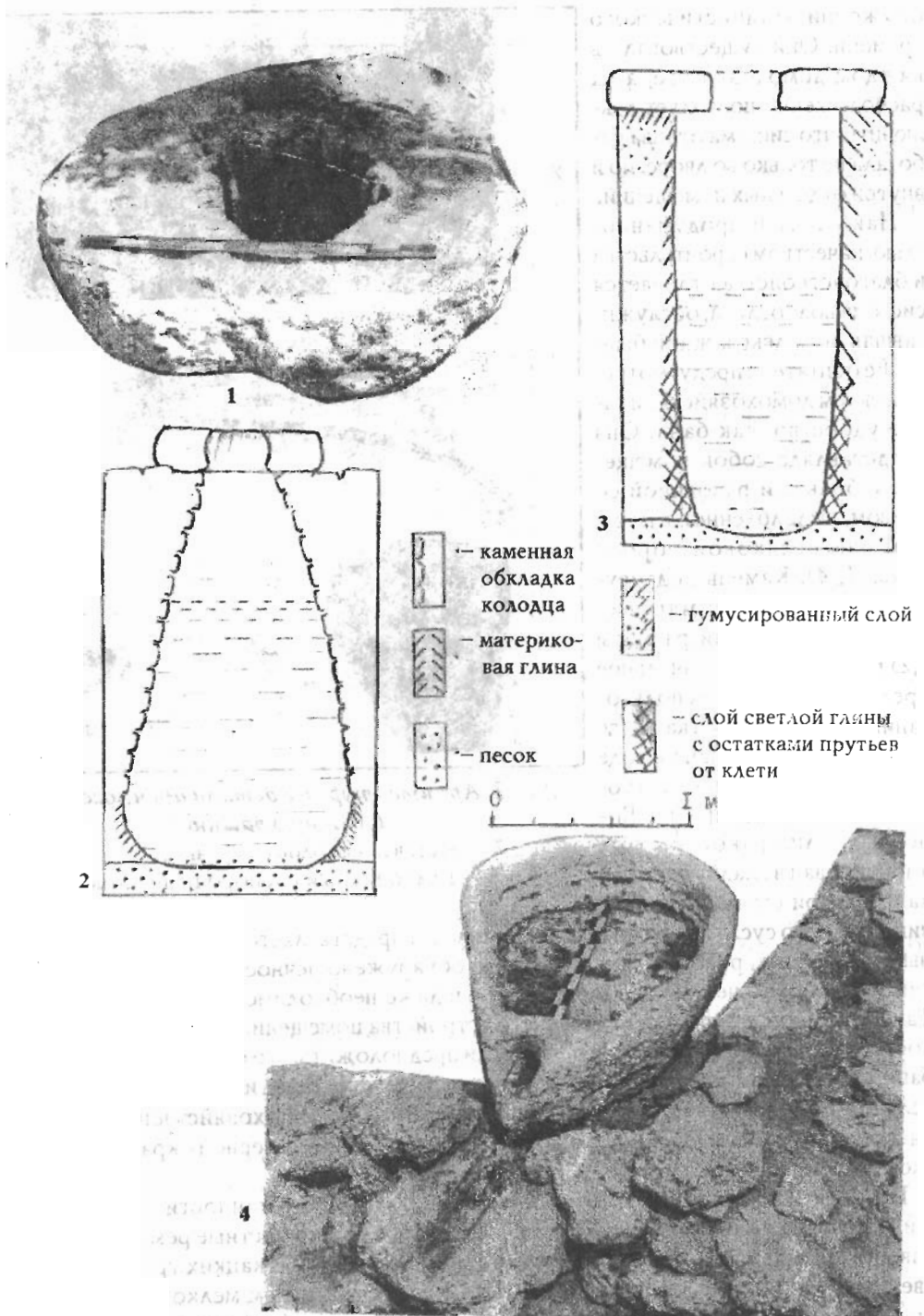

Рис. 2. Архитектурные детали арочного входа в Южную башню

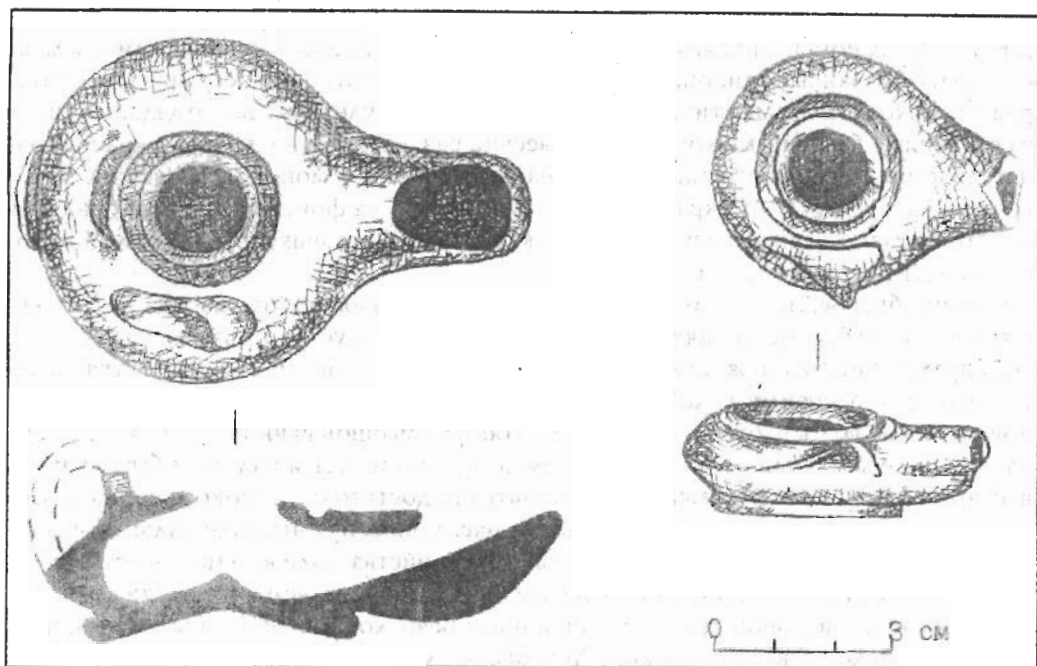
- 1 — 2 — рустованный блок от арочного перекрытия;
3 — 4 — клиновидный распорочный блок.

Рис. 3

1 — 2 — горловина и разрез колодца во дворе Южной башни; 3 — разрез колодца во дворе Восточной башни; 4 — раковина в помещении бани.

Рис. 4. Светильники из раскопок поселения Маслины

свинцовые прутья и лом, почилочные свинцовые пломбы, заклепки, точильные камни для обточки мелкого металлического инструмента, а также готовые металлические изделия (гвозди, ножи, кости животных со спилами, заготовки для костяных изделий и пр.). Особенного упоминания заслуживают обнаруженные в этом районе остатки производства лепной керамики. Для этих целей была использована землянка овальной формы (3,4 м x 4 м), врезанная в материковый грунт на 1 м. На эту глубину вел спуск в виде четырех глиняных ступеней. На полу обнаружено значительное скопление бесформенной глиняной массы, пригодной для замеса керамического теста; вдоль северо-восточной стены — глиняная полка-уступ шириной 0,35 м, удобная для просушки сформованных от руки сосудов; здесь же очаг для их обжига, круглый в плане (Д — 0,80 м), углубленный ниже уровня пола на 0,20 м, с заполнением углубления черным горелым грунтом с включением золы. Рядом с землянкой, на уровне древней дневной поверхности обнаружены два глинобитных возвышения типа столиков, оба подпрямоугольной формы (1,60 м x 1,35 м x 0,24 м; 1 м x 1 м x 0,24 м), которые могли использоваться для формовки лепных сосудов, а также две ямы в глиняном грунте до 0,50 м глубиной без каких-либо находок в заполнении, которые могли образоваться в результате выборки глины для керамического теста.

В ходе раскопок восточной части поселения сложилось впечатление, что эта территория использовалась в древности под жилые кварталы рядовых обитателей, занятых различными ремеслами местного локального значения, ориентированными на удовлетворение бытовых и хозяйственных потребностей своих же поселенцев. Уровень достатка живших здесь обитателей был совсем иным, чем в башенных комплексах. Основным типом жилья здесь были землянки и полуземлянки с использованием деревянных наземных конструкций. Их перегнившие, а нередко и сгоревшие в огне остатки отчетливо читаются в стратиграфии в виде гумусированного культурного слоя

с обильной примесью черного горелого грунта. Обязательной принадлежностью интерьера таких помещений являются очаги с большими предпочажными ямами, земляной пол, обмазанный глиной, глинобитные лежанки. Массовый керамический материал не выходит за рамки типично греческих форм, но удельный вес отдельных типов в сравнении с башенными комплексами весьма различен. На восточной окраине значительно меньше черного лака (2%) не найдено ни одной монеты, терракоты, почти полностью отсутствуют украшения, и в то же время, на фоне общего преобладания простой хозяйственной посуды (амфор, кувшинов) здесь фиксируется самый высокий процент лепной керамики (до 30%).

Таким образом, материалы поселения Маслины позволяют заключить, что и в небольших сельских поселениях степень жизненного благоустройства была различной: есть представительное жилье типа башни, с высоким уровнем строительства, качественной внутренней отделкой, набором дорогих привозных вещей, хорошо налаженной системой водоснабжения, специально оборудованной ванной и т. д., а есть землянки и полуземлянки с минимумом элементарных удобств и рядовым бытовым инвентарем. Первое принадлежало представителям достаточно высокого социального ранга, второе — рядовому или зависимому населению, при этом социальные различия в уровне материального достатка и благоустройства были весьма существенны.

Общий жизненный стандарт на хоре был ниже и проще, чем в городских центрах (нет андронов, мозаики, действуют принципы безотходной экономики и пр.), но и здесь, на далекой северной окраине Херсонеса, судя по материалам Маслин, сохраняли приверженность к традиционным чертам античного быта и его благоустройства (принципы домостроительства, мощные дворы, система освещения, водоснабжения, бани, терракота). Вместе с тем жизнь на территории херсонесской хоры имела и свои особенности: наиболее благоустроенное жилье представляло собой башню, так как именно такой тип постройки мог служить некоторой гарантией безопасности в степном Крыму; удельный вес хозяйственных помещений и дворов здесь выше, чем в городе, что, очевидно, отражает более напряженный трудовой ритм сельской жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латышева В. А. Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо—Западном Крыму // Вестн. Харьк. ун-та.— 1985.— № 268.
2. Латышева В. А. Развитие земледелия на территории херсонесской хоры // Археологические памятники Юго-Восточной Европы.— Курск, 1985.
3. Щеглов А. Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община. Межвуз. сб.— Л., 1986.
4. Максимова М. И. Строительная техника // Эллинистическая техника.— М., Л., 1948.
5. Евдокимова Е. И. Архитектурная композиция жилого дома в Греции V—IV вв. до н.э. по материалам раскопок города Олинфа // Вопросы архитектурной композиции.— 1985.— № 4.
6. Наман Дж. Типология греческих сельских усадеб классического и эллинистического времени (V — II вв. до н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Л., 1979.
7. Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья.— К., 1982.
8. Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии (IV — II вв. до н. э.).— К., 1971.

9. Robinson D. M., Graham I. W. The Hellenic House // Excavations at Olynthus — V. VIII.— 1938.

10. Блаватский В. Д. Античная архитектура на территории Северного Причерноморья // Всеобщая история архитектуры.— М., 1948.— Т. 2.— Кн. 2.

11. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического // Херс. сб. 2.— Симферополь, 1927.

12. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического // Херс. сб. 5 — Симферополь, 1959.

13. Дашевская О. Д., Щеглов А. К. Херсонесское укрепление на городище Беляус // СА.— 1965.— № 2.

14. Щеглов А. Н. Тарханкутская экспедиция в 1962 — 1963 гг. // КСИИ.— Вып. 103.— М., 1965.

15. Щеглов А. Н. Исследование сельской округи Калос Лимена // СА.— 1967.— № 3.

16. Bundgaard J. A. The excavation of the Athenian Acropolis. 1882-1890.— Copenhagen, 1974.

17. Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея // IvIKA.— 56.— М., 1957.

18. Дильс Г. Античная техника.— М., Л., 1934.

19. Латышева В. А. К истории культов населения херсонесской хоры // Вестн. Харьк. ун-та.— 1988.— № 316.

20. Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья.— М., 1971.

21. Всеобщая история архитектуры.— Т. 2.— Кн. 1.— М., 1949.

22. Латышева В. А. Культовые сосуды поселения херсонесской хоры Маслины // Вестн. Харьк. ун-та.— 1994.— № 385.

SUMMARY

The analysis of the materials of the settlement Maslini lets to conclude that the degree of life conveniences was various on the territory of Khersonesus khora: there is a representative house like a tower, with the high level of the building, qualitative inner decoration, a set of the expensive imported things, good system of the water-supply, specially equipped bathroom etc., and there are dugouts and half-dugouts with the minimum of the elementary conveniences and common everyday things.

The first one belonged to the representatives of the rather high social rank, the second — to the average or dependent population.

